

Информируемся до смерти

Нил Постман

Великий английский драматург и общественный философ Джордж Бернард Шоу однажды заметил, что любая профессия – это сговор против обычных людей. Он имел в виду, что те, кто принадлежит к элитным ремеслам – физики, юристы, учителя и ученые – защищают свой особый статус, создавая словари, непонятные широкой публике. Этот процесс препятствует «чужим» понимать, что делает профессия и зачем – и защищает «своих» от тщательного рассмотрения и критики. Профессии, другими словами, выстраивают защитные стены из технической абракадабры, через которые надоедливый чужим глазам ничего не видно.

В отличие от Джорджа Бернарда Шоу, я не жалуясь на это, поскольку считаю себя профессиональным учителем и ценю техническую абракадабру так же, как и любой другой. Но я не возражаю, если иногда кому-то, кто не знает секретов моего ремесла, разрешается войти в наши стены, чтобы выразить неисключенную точку зрения. Такой человек может иногда дать свежее мнение или, даже лучше, увидеть что-то таким образом, каким профессионалы проглядели.

Думаю, я приглашен выступить на этой конференции именно с такой целью. Я вряд ли знаю о компьютере больше, чем средний человек – то есть не очень много. Я мало понимаю, что восхищает компьютерного программиста или учёного, и, просматривая описание презентаций на этой конференции, я нахожу их одну загадочней другой. Так что я точно подхожу на роль «чужака».

Но, полагаю, вы хотите не просто «чужака», но «чужака», чья точка зрения могла бы быть полезной для «своих». И именно поэтому я принял предложение выступить. Я считаю, что знаю кое-что о том, что технологии делают с культурой, и знаю ещё больше о том, что технологии ломают в культуре. Фактически, я бы сказал для начала: о том, что технологии ломают в культуре, компьютерные эксперты, очевидно, знают очень мало. Я слышал многих экспертов по компьютерным технологиям, рассказывающих про преимущества, которые принесут компьютеры. За одним исключением – а именно, Джозефа Вейзенбаума¹ – я никогда не слышал, чтобы кто-то серьёзно и всесторонне говорил об ущербе от компьютерных технологий, что весьма удивляет, и становится интересно, не скрывает ли профессия что-то важное. Можно сказать, чего не хватает компьютерным экспертам – так это чувства «технологической скромности».

¹ Джозеф Вейзенбаум (1923) – профессор компьютерных наук массачусетского технологического института (MIT), в настоящее время на пенсии. Один из самых жестких критиков тотальной механизации и компьютеризации. Самая известная работа – книга «Власть компьютера и человеческий разум: от суждения к вычислению», на русский язык не переведилась (здесь и далее прим. пер.).

В конце концов, любой, кто изучал историю технологии, знает, что технологические перемены – это всегда сделка Фауста: технология даёт и технология отнимает, и не всегда в равной мере. Новая технология иногда создаёт больше, чем разрушает. Иногда она разрушает больше, чем создаёт. Но у этой палки всегда два конца.

Изобретение печатного пресса – отличный пример. Печать питала современную идею индивидуальности, но уничтожила средневековое чувство общности и социальной интеграции. Печать создала прозу, но сделала поэзию экзотичной и элитарной формой выражения. Печать сделала возможной современную науку, но трансформировала религиозную восприимчивость в упражнения в суеверии. Печать помогла подъёму государства-нации, но одновременно сделала патриотизм грязной, если не убийственной эмоцией.

Можно сказать это иначе: новая технология помогает одним группам людей, и причиняет вред другим. Школьных учителей, например, в долгосрочной перспективе телевидение сделало ненужными, так же как автомобиль сделал ненужными кузнецов, так же как печатный пресс сделал ненужными сочинителей баллад. Технологические перемены, другими словами, всегда производят выигравших и проигравших.

В случае компьютерных технологий, нет сомнения, что компьютер увеличил власть больших организаций, таких как военные ведомства, авиакомпании, банки и налоговые службы. И так же ясно, что компьютер теперь неотъемлем у исследователей – в физике и других естественных науках. Но насколько компьютерные технологии полезны массам? Сталелитейщикам, владельцам овощных лавок, учителям, автомеханикам, музыкантам, пекарям, каменщикам, дантистам и большей части других, в чью жизнь проникает компьютер? Частная жизнь этих людей стала более доступной властным институтам. За ними легче следить и контролировать; их больше исследуют и принимают на их счёт таинственные решения. Их все чаще редуцируют всего лишь к числовым объектам. Их закапывают в ненужной почте. Они – легкие цели для рекламных агентств и политических организаций. Школы учат детей оперировать компьютеризированными системами вместо обучения вещам, более ценным для детей. Одним словом, почти ничего не происходит с проигравшими, поэтому они и проигравшие.

Вполне предсказуемо, что выигравшие – например, большая часть докладчиков на этой конференции – будут стараться внушить проигравшим энтузиазм насчет компьютерных технологий. Так и должны поступать выигравшие, и поэтому они иногда рассказывают проигравшим, что с персональными компьютерами средний человек может аккуратнее вести чековую книжку, лучше вести список рецептов, и делать более логичные списки для

шоппинга. Они так же говорят им, что можно голосовать дома, ходить по магазинам дома, получать любую желаемую информацию дома, и таким образом делать общественную жизнь излишней. Они говорят им, что их жизнь будет проводиться более эффективно, осторожно игнорируя вопрос, с чьей именно точки зрения и какова может быть цена такой эффективности.

Если у проигравших возникнет скептицизм, выигравшие осыпят их изумительными возможностями компьютеров, многие из которых имеют лишь отдаленное отношение к качеству жизни проигравших, но, тем не менее, впечатляющими. В итоге, проигравшие сдаются; частично потому, что верят, что специализированные знания мастеров компьютерных технологий есть форма мудрости. Мастера, конечно, тоже начинают в это верить. В результате, некоторые вопросы просто не поднимаются, например, кому компьютер даёт больше власти и свободы и чья власть и свобода будут уменьшены?

Возможно, это звучит как хорошо продуманный заговор, как если бы выигравшие очень хорошо знали, что выигрывается и что проигрывается. Но это происходит не совсем так, потому что выигравшие не всегда знают что делают, и к чему это приведёт. Бенедиктинские монахи, которые изобрели механические часы в XII-XIII вв., думали, что эти часы дадут им точное расписание семи периодов молитвы, которые они должны были соблюдать в течение дня. Вообще то, это удалось. Но монахи не осознали, что часы – не только средство отслеживания времени, но так же и средство синхронизации и управления действиями людей. И так, к середине XIV в. часы вышли из стен монастыря и принесли совершенно новую и точную систему в жизнь рабочих и торговцев. Механические часы сделали возможными идеи регулярного производства, регулярного рабочего времени и стандартизованного продукта. Без часов капитализм был бы совершенно невозможен. И так, вот великий парадокс: часы были изобретены людьми, которые хотели посвятить себя Богу; а кончилось это технологией, наиболее полезной для людей, которые хотели посвятить себя накоплению денег. Технология всегда имеет непредвиденные последствия, и в начале не всегда ясно, кто или что выиграет и кто или что проиграет.

Могу добавить, что Иоганн Гутенберг² был, по общему мнению, преданным христианином, который бы ужаснулся, услышав Мартина Лютера³, проклятого еретика, заявивше-

² Иоганн Гутенберг (1394/1399-1468) – немецкий изобретатель европейского способа книгопечатания, печатного станка, основал первую типографию, придумал метод изготовления литер с помощью матрицы и пуансона.

³ Мартин Лютер (1483-1547) – деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступле-

го, что печать есть «величайшее благоволение Бога, посредством которого дело Евангелия движется вперед». Гутенберг думал, что его изобретение поможет папскому престолу, в то время как на самом деле оно принесло революцию, уничтожившую монополию Церкви.

Таким образом, мы можем спросить себя, есть ли что-то, о чём мастера компьютерных технологий думают как о чём-то хорошем для нас, но о чём и у них и у нас может быть причина сожалеть? Я считаю, что есть, и ответ содержится в названии моей речи, «Информируемся до смерти⁴». В оставшееся время я попытаюсь объяснить, что опасного в компьютерах и почему. И, надеюсь, вы будете достаточно открыты, чтобы воспринять то, что я скажу. Теперь, думаю, я могу начать своё объяснение с рассказа о маленьком эксперименте, который я проводил время от времени в течение нескольких последних лет. Некоторые описывают этот эксперимент как упражнение в обмане и эксплуатации, но буду надеяться на ваше чувство юмора.

Вот как это работает: лучше всего делать это утром, когда я вижу коллегу, у которого, по видимому, нет свежего выпуска Нью-Йорк Таймс. «Ты читал Таймс утром?», - спрашиваю я. Если коллега говорит «да», значит, сегодня эксперимента не будет. Но если ответ «нет», эксперимент можно провести. «Обязательно посмотри страницу 23», - говорю я. «Там восхитительная статья об исследовании, сделанном в Гарвардском университете». «Правда? И о чём же?», - обычный ответ. В этом месте мой выбор ограничен только моим воображением. Но я могу сказать что-то вроде: «Ну, они провели исследование, чтобы выяснить, какие продукты лучше всего подходят для сброса лишнего веса, и получилось, что обычная диета с добавлением шоколадных эклеров шесть раз в день – самое лучшее. Похоже, в них есть особое вещество, – энкоммиальный диоксин, – которое сжигает калории с невероятной скоростью».

Другой вариант, который я люблю использовать на заботящихся о здоровье коллегах: «Думаю, тебе интересно будет узнать об этом», - говорю я. «Нейрофизиологи в университете Штутгарта открыли связь между бегом трусцой и ослаблением интеллекта. Они проверяли более 1200 человек в течение 5 лет и наши, что если росло время пробежек, то происходило соответствующее ослабление интеллекта. Они не знают точно, почему это происходит, но это факт».

Уверен, что вы поняли мою роль в эксперименте: сообщить что-то совершенно нелепое – можно сказать, невероятное. Позвольте же сообщить вам некоторые результаты: если только это не вторая или третья попытка на одном человеке, большинство людей верит, или, по крайней мере, не слишком сомневается в том, что я им сказал. Иногда они говорят: «Правда? Такое возможно?» Иногда они поразмышляют и переспросят: «Где, ты сказал,

ние (1517) в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций, отвергавшими основные догматы католицизма, основатель лютеранства, перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка, в 1518 г. отлучен от Церкви.

⁴ Название переключается с названием самой известной работы Н.Постмана – книги «Веселимся до смерти» (1986 г.).

это исследовали?» И иногда они говорят: «Знаешь, я слышал что-то в таком роде».

Теперь из этого можно вывести несколько заключений, одно из которых выразил Г.Л.Менкен⁵ 50 лет назад, сказав, что «нет идеи настолько глупой, что вы не сможете найти профессора, который в неё поверит». Это скорее обвинение, чем объяснение, но, в любом случае, я испытывал это и на непрофессорах, и получил приблизительно такие же результаты. Другое возможное заключение выразил Джордж Оруэлл⁶ – также 50 лет назад – когда заметил, что средний человек сегодня также наивен, как и средний человек средневековья. В средние века люди верили в авторитет своей религии, независимо ни от чего. Сегодня мы верим в авторитет нашей науки, независимо ни от чего.

Но я думаю, можно вывести еще одно и более важное заключение, имеющее отношение к оруэлловскому, но под более правильным углом. Я ссылаюсь на факт, что мир, в котором мы живем, почти совершенно не имеет смысла для большинства из нас. Практически нет фактов, – актуальных или вымышленных, – которые будут удивлять нас достаточно долго, поскольку у нас нет понятной и последовательной картины мира, в свете которой факт выглядел бы неприемлемым противоречием. Мы верим потому, что нет причины не верить. Ни социальной, ни политической, ни исторической, ни метафизической, ни логической или духовной причины. Мы живем в мире, который, большей частью, не имеет для нас смысла. Даже технического смысла. Я не хочу повторять свой эксперимент на этой аудитории, особенно после того, как я рассказал вам о нём, но если бы я сообщил вам, что сиденья, на которых вы расположились, были сделаны посредством особого процесса, в котором использовалась кожа сельди Бисмарка, на каких основаниях вы бы оспорили это? Поскольку все вы знаете, - в самом деле, насколько я знаю, - что кожа сельди Бисмарка могла быть использована для ваших сидений. И если бы я поставил перед вами промышленного химика, чтобы подтвердить этот факт, описав некий непонятный процесс, посредством которого это было сделано, то завтра вы, возможно, рассказали бы кому-то, что провели вечер, сидя на сельди Бисмарка.

Возможно, я могу подойти немного ближе к главному, воспользовавшись аналогией: если вы открываете новую колоду карт и начинаете переворачивать карты одну за другой, вы точно знаете их порядок. После того, как вы прошли от туза пик до девятки пик, вы будете ожидать следующей десятку пик. И если попадет тройка бубен, вы удивитесь и подумаете, что это за странная колода. Но если я дам вам колоду, которую двадцать раз перемешали, и попрошу открывать карты, вы не будете ожидать никакой конкретной карты – тройка бубен будет также вероятна, как и десятка пик. Не имея базиса для допущения порядка, у вас нет причины не верить или даже удивляться

⁵ Генри Луис Менкен (1880-1956) – американский журналист, эссеист, редактор и лингвист, автор многочисленных афоризмов, многие из которых известны как «Законы Мерфи».

⁶ Джордж Оруэлл (1903-1950) - литературный псевдоним Эрика Артура Блэра, английского писателя. Самые известные произведения – антиутопии «Скотный двор», «1984».

открывающимся картам.

Главное – в мире без духовного или интеллектуального порядка, ничто не является невероятным; ничто не является предсказуемым, и поэтому ничто особенно не удивляет.

На самом деле, Джордж Оруэлл был более чем несправедлив по отношению к среднему человеку средневековья. Система верования средних веков была скорее как новая колода карт. Существовал упорядоченный, понятный взгляд на мир, начиная с идеи, что всё знание и добро происходят от Бога. То, что нужно было говорить священникам о мире, следовало из логики их теологии. Не было ничего случайного в том, во что нужно было верить, включая тот факт, что мир был создан в 9:00 23 октября 4004 г. до н.э. Это могло быть объяснено, совершенно прозрачно, к всеобщему удовлетворению. Так же как и факт, что 10000 ангелов могли танцевать на острие иглы. Это имело чёткий смысл – верить, что Библия есть открытое Слово Божие, и что Вселенная населена ангелами. Средневековый мир был, убеждён, наполнен изумлением, но не без чувства порядка. Обычные мужчины и женщины могли не очень чётко представлять, как суровая реальность их жизни вписывалась в великий и благой замысел, но у них не было сомнения в том, что такой замысел был, и их священники, с помощью дедукции из пригоршни принципов, замечательно могли сделать его если не рациональным, то, по крайней мере, согласованным.

Ситуация, в которой находимся мы, сильно отличается. И она, я должен сказать, печальнее и запутаннее и, конечно, загадочнее. Скорее похожа на перемешанную колоду карт, о которой я говорил. Нет целостной, всеобъемлющей концепции мира, которая служила бы фундаментом здания наших верований. И поэтому, в известном смысле, мы более наивны, чем люди средних веков, и более напуганы, поскольку нас можно заставить верить почти во всё, что угодно. Кожа сельди Бисмарка имеет для нас столько же смысла, сколько виниловая примесь или энкоммиальный диоксин.

Между прочим, все это не наша вина. Я могу повернуть мудрость Кассия⁷ с ног на голову: виноваты не мы, а почти буквально звёзды. Когда Галилей направил свой телескоп на небеса, и дал также посмотреть Кеплеру, они не нашли никакого просветления или авторитета в звёздах, только геометрические силуэты и равенства. Бог, казалось, был скорее мастером математики, чем философом морали. Это открытие помогло дать толчок развитию физики, но теологии не принесло ничего кроме вреда. До Галилея и Кеплера было возможно верить, что Земля - стабильный центр Вселенной, и что у Бога особый интерес к нашим делам. После, Земля стала одиноким странником в окружающей галактике в скрытом уголке вселенной, и нам осталось только спрашивать, есть ли у Бога к нам хоть какой-нибудь интерес. Упорядоченный, понимаемый мир средних веков начал разваливаться, поскольку

⁷ Дион Кассий (Dio Cassius) (155/164-229/235) — греческий историк, римский политический деятель, автор сочинения *Historia Romana* (Римская история) в 80-ти книгах. Изначально его фраза из трагедии У.Шекспира "Юлий Цезарь" (1599 г.) звучит так: "В своем порабощении мы сами, не звёзды, виноваты" (I, 2).

люди более не видели в звёздах лицо друга.

И что-то ещё, что раньше было нашим другом, также повернулось против нас. Я имею ввиду информацию. Было время, когда информация была ресурсом, помогающим человеческим существам решать специфичные и срочные проблемы своего окружения. Это правда, что в средние века был недостаток информации, но именно этот недостаток делал ее и важной, и полезной. Перемена началась, как все знают, в конце XV в., когда ювелир из Майнца по имени Гутенберг переделал старый винный пресс в печатный станок, и, таким образом, создал то, что мы теперь называем информационным взрывом. Через 40 лет после изобретения печатные станки были в 110 городах в шести странах; в следующие 50 лет было напечатано более 8 млн. книг, почти все они были наполнены информацией, прежде недоступной среднему человеку. Ничто не может быть более ошибочным, чем идея, что компьютерные технологии принесли эру информации. Эту эру начал печатный пресс, и с тех пор мы не выходили из нее.

Но то, что началось, как освобождающий поток, превратилось в бурю хаоса. Если позволите привести мою страну в качестве примера, вот что мы имеем: в Америке 260 тыс. рекламных щитов; 11520 газет; 11556 периодических изданий; 27 тыс. пунктов видеопроката; 362 млн. телевизоров; и более 400 млн. радиоприемников. Каждый год печатается 40 тыс. новых наименований книг (300 тыс. по всему миру), и каждый день в Америке делается 41 млн. фотографий, и просто для интереса, более 60 млрд. рекламных материалов приходят в наши почтовые ящики каждый год. Всё, от телеграфа и фотографии в XIX в. до кремниевого чипа в XX в. увеличивало поток информации, пока дело не дошло до таких пропорций сегодня, что для среднего человека информация не имеет никакого отношения к реальному процессу.

Связь между информацией и действием разорвана. Информация теперь – предмет потребления, который можно покупать и продавать, или использовать как развлечение или носить как одежду, чтобы поднять свой статус. Она приходит неопределенно, ни на кого конкретного не направленная, оторванная от полезности; мы завалены информацией, тонем в информации, у нас нет контроля над ней, не знаем, что с ней делать.

И есть две причины, почему мы не знаем, что с ней делать. Во-первых, как я сказал, у нас больше нет когерентной концепции себя, нашей Вселенной, наших взаимоотношений и нашего мира. Мы не знаем более, в отличие от людей средневековья, откуда мы, куда мы движемся и почему. Т.е. мы не знаем, какая информация имеет отношение к нашей жизни, а какая нет. Во-вторых, мы направили все наши энергию и разум на изобретение машин, которые не делают ничего, кроме увеличения количества информации. Как следствие, наши защиты от информационного потопа сломаны; наше информационная иммунная система неработоспособна. Мы не знаем, как ее фильтровать; мы не знаем, как ее уменьшить; мы не знаем, как ее использовать. Мы страдаем от разнovidности культурного СПИДа.

И вот в эту ситуацию приходит компьютер. Компьютер, как мы знаем, обладает качеством универсальности, не только потому, что

способы его использования почти бесчисленны, но также и потому, что компьютер часто интегрируется в структуры других машин. Поэтому было бы провокационным с моей стороны предостеречь вас от любого использования компьютеров. Но нельзя отрицать, что самое главное в использовании компьютера – работа с информацией. Когда люди говорят об «информационных науках», они говорят о компьютерах – как хранить информацию, как получать информацию, как организовывать информацию. Компьютер есть ответ на вопросы, как я могу получить больше информации, быстрее и в более полезной форме? Это казалось бы, правильные вопросы. Но хочу задать вам другие вопросы, которые кажутся мне более важными. Вторгся ли Ирак в Кувейт из-за нехватки информации? Если начнется ужасная война между Ираком и США, произойдет ли это из-за нехватки информации? Если дети в Эфиопии умирают от голода, происходит ли это из-за нехватки информации? Если преступники бродят по улицам Нью-Йорка, это из-за нехватки информации?

Или давайте спустимся на более личный уровень: если вы и ваша пара будете несчастливо вместе, и закончите ваш брак разводом, произойдет ли это из-за нехватки информации? Если ваши дети плохо себя ведут и позорят семью, происходит ли это из-за нехватки информации? Если у кого-то в вашей семье будет нервный срыв, это из-за нехватки информации?

Полагаю, вам придется согласиться: то, что мучает нас, приносит самое большое несчастье и боль – и на культурном, и на личном уровне – не имеет никакого отношения к качеству информации, доступной через компьютеры. Компьютер и его информация не могут ответить ни на один фундаментальный вопрос, который нам важен, чтобы наполнить наши жизни большим смыслом и человечностью. Компьютер не может предоставить организующие моральные рамки. Он не может сказать нам, какие вопросы стоят, того чтобы быть озвученными. Он не может предоставить средства понимания, почему мы здесь или почему мы дерёмся друг с другом или почему порядочности так часто не хватает, особенно когда она нам более всего нужна. Компьютер, чувствуется, притягательная игрушка, отвлекающая нас от взгляда на самое нужное – духовную пустоту, познание себя, полезные концепции прошлого и будущего. Винить ли компьютер за это? Конечно, нет. Это, в конце концов, всего лишь машина. Но она представлена нам с фанфарами, как на этой конференции, как технологический мессия.

С помощью компьютера, говорят заголовки, мы сделаем образование лучше, религию лучше, политику лучше, наши умы лучше – и, самое лучшее, – себя лучше. Это, конечно, нонсенс, и только молодой или невнимательный или глупый может в это поверить. Только что я сказал, что компьютеры нельзя в этом винить. И это правда, по крайней мере, поскольку мы не виним слона за его огромный аппетит или камень за его твёрдость или облако за то, что оно закрывает солнце. Это их природа, и мы ничего другого от них не ждём. У компьютера также есть природа. Правда, это всего лишь машина, разработанная для манипулирования и генерирования информации. Это то, что делают компьютеры, и поэтому у

них есть поклонники и однозначное послание.

Послание состоит в том, что с помощью всё большего и большего количества информации, лучше упакованной, быстрее доставленной, мы найдём решения наших проблем. И все блестящие умы молодых мужчин и женщин, веря в это, ставят компьютерам сложнейшие задачи, надеясь, что таким образом мы станем мудрее, чище и храбрее. И как их можно винить? Становясь мастерами этих удивительных технологий, они получают престиж и власть, а некоторые даже станут известными. В мире, населённом людьми, верящими, что с помощью всё большего и большего количества информации рай достигим, компьютерный учёный – король. Но я уверен, что всё это – монументальная и опасная трата человеческого таланта и энергии. Представьте, что можно было бы сделать, если бы эти талант и энергия пошли на философию, теологию, искусства, впечатляющую литературу или образование? Кто знает, что мы могли бы узнать от этих людей – возможно, почему существуют войны, голод, бездомность, душевные расстройства и гнев.

Судя по тому, как сейчас идут дела, гении компьютерных технологий дадут нам звёздные войны, и скажут, что это ответ ядерной войне. Они дадут нам искусственный интеллект, и скажут, что это путь к самопознанию. Дадут нам мгновенную глобальную связь, и скажут что это путь к взаимопониманию. Дадут нам виртуальную реальность, скажут, что это ответ интеллектуальной нищете. Но это путь только для техника, собирателя фактов, информационного мусорщика и технологического идиота.

Вот что сказал нам Генри Дэвид Торо⁸: «Все наши изобретения – ничего кроме совершенных средств достижения бесславного конца». Вот что сказал нам Гёте: «Каждый должен каждый день попытаться послушать небольшую песню, прочитать хорошее стихотворение, увидеть хорошую картину и, если возможно, сказать несколько разумных слов». И вот что сказал нам Сократ: «Непознанная жизнь не стоит того, чтобы жить». И вот что сказал нам пророк Михей: «О, человек! сказано тебе, что - добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим⁹.» И я бы мог сказать – если бы у меня было время (хотя вы все это хорошо знаете) – что Конфуций, Исайя, Иисус, Мухаммед, Будда, Спиноза и Шекспир сказали нам. Одно и то же: нельзя убежать от себя. Человеческая дилемма такая, как была всегда, и мы не решаем ничего фундаментального, скрываясь в технологической славе.

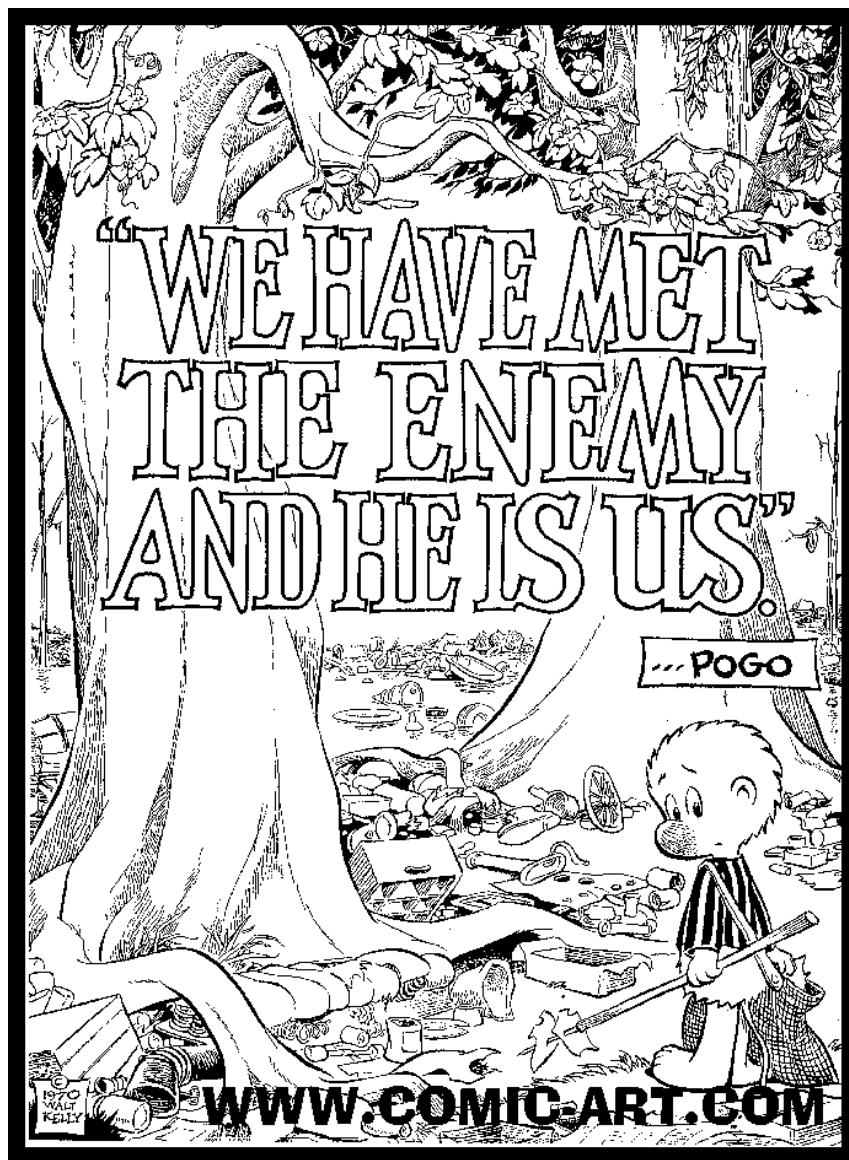
Даже простейший карикатурный герой знает это, и я закончу цитатой мудрого старого опоссума по имени Пого, созданного аниматором Уолтом Келли¹⁰. Я обращаю его слова ко

⁸ Генри Дэвид Торо (1817-1862) – американский писатель, мыслитель, представитель трансцендентализма - философского литературного течения в США 1830-60-х гг., критикующего современную цивилизацию с позиций романтизма и левого радикализма, издал памфлет "Гражданское неповиновение" (1849 г.) - о необходимости ненасильственного индивидуального сопротивления общества злу.

⁹ Библия, Ветхий Завет, Книга Пророка Михея, 6:8, русский синодальный перевод.

¹⁰ Уолт Келли (1913-1973) – американский карикатурист и аниматор, в 1930-40-х гг. работал на студии

всем присутствующим технологическим утопистам и мессиям. «Мы встретились с врагом», - сказал Пóго, - «и он - мы».

Уолта Диснея (фильмы «Фантазия», «Белоснежка», «Дюмбо»), рисовал карикатуры на первых лиц США времен маккартизма. Цитируемая фраза посвящена проблемам экологии; это передразнивание известного победного донесения капитана Джона Пола Джонса «Мы встретились с врагом, и захватили его», букв. «...и он наш».